

Глава 6

Мысли о Цайжэнь Яо не давали Цзинчжэ покоя, и он, сам того не замечая, стал внимательнее к ней присматриваться.

Цайжэнь Яо была наложницей покойного императора. Простая цайжэнь, одна из многих, она должна была кануть в Лету, но её ссылка в Северные покои говорила о том, что её судьба была не так проста.

У Цайжэнь Яо был скверный язык и дурной нрав. Она постоянно бранилась, и слуги за глаза проклинали её.

Цзинчжэ, не любивший сплетен, прежде не обращал на это внимания, но, начав прислушиваться, обнаружил, что прошлое здешних обитательниц было предметом многочисленных догадок.

Однажды, когда он спросил о Цайжэнь Яо, Миньюй рассмеялся.

— А я-то думал, Цзинчжэ, тебе такие разговоры не по душе. Спроси ты о ком другом, я бы, может, и не знал, а вот про Цайжэнь Яо кое-что слышал.

Он улыбнулся с ноткой гордости, но это не выглядело неприятно.

— Это мне Баци рассказал, — продолжил Миньюй. Баци был старше их и знал больше. — Цайжэнь Яо была из людей Вдовствующей императрицы Цышэн, говорят, даже какая-то дальняя родственница. Когда императрица Цышэн заболела, её назначили ухаживать за ней. Но императрица так и не оправилась от той болезни. Покойный император разгневался, что Цайжэнь Яо плохо служила, и сослал её в Северные покои.

Вдовствующая императрица Цышэн была матерью Цзиньюаня. В тот год она слегла с обычной простудой, и никто не думал, что всё закончится так трагично.

Цзинчжэ задумался, вспомнив маленький храм.

Тот самый, во дворике у зала Фэнсянь, где он видел поминальную табличку императрицы Цышэн.

Кстати, что в тот день делал в храме Жун Цзю?

Цзинчжэ нахмурился. Разве он не из стражи, патрулирующей Северные покои? От зала Фэнсянь до их крыла было довольно далеко.

Миньюй, не заметив его задумчивости, продолжал:

— Когда Цайжэнь Яо только прибыла сюда, первые несколько лет она вела себя тихо. А потом словно с ума сошла: целыми днями изрыгала проклятия, да так, что к ней боялись подходить. Даже другие госпожи перестали с ней общаться.

Он развёл руками и хлопнул Цзинчжэ по плечу.

— Только ты, добряк, не принимаешь её слова близко к сердцу.

— Она госпожа, а мы — слуги. От пары ругательств кусок не отвалится, — спокойно ответил Цзинчжэ.

Миньюй смущённо кашлянул:

— У меня нет твоего терпения. Но ты прав, по крайней мере, она не заставляет стирать одежду в кипятке.

Цзинчжэ нахмурился и потянулся к его руке. Миньюй замотал головой и рассмеялся:

— Не я, матушка Мин.

Он понизил голос.

— Ты разве не знаешь? После болезни у матушки Мин перекосило лицо, говорит она с трудом, и нрав её стал ещё хуже.

Миньюй кивнул в сторону.

Мимо проходили две служанки. Одна из них, Хэ Е, шла, утирая слёзы, а вторая её утешала.

Руки Хэ Е распухли и покраснели, как свиные копытца, на них виднелись большие волдыри.

Лицо Цзинчжэ помрачнело.

— Матушка Мин намеренно мучает её?

— Тело болеет — и душа черствеет. Посмотри-ка, раньше и не подумал бы, что она такая злая.

Хотя матушка Мин и была их начальницей, евнухи подчинялись евнухам, а служанки — служанкам. Если бы она вздумала издеваться над евнухами, Чэнь Миндэ бы этого не позволил.

Поэтому Минъюй и рассуждал так отстранённо.

Цзинчжэ покачал головой и вместе с Минъюем продолжил уборку.

Когда они подошли к жилищу матушки Мин, плотная занавеска на двери откинулась, и на пороге появилась высокая фигура.

— Цзинчжэ, матушка Мин зовёт тебя, — произнесла она.

Минъюй испуганно схватил Цзинчжэ за рукав.

Тот улыбнулся ему и, повернувшись к девушке, сказал:

— Сестра Ханьдань, уже иду.

Глаза Ханьдань были красными — очевидно, она плакала.

Её руки были почти полностью скрыты рукавами, виднелась лишь полоска белой повязки.

Неужели и с ней случилось то же, что и с Хэ Е?

Войдя в комнату, Цзинчжэ почувствовал тепло.

В покоях матушки Мин топили углём. Хоть и не бездымным, но всё же было теплее, чем снаружи. Ханьдань поспешно закрыла за ним дверь. В комнате с плотно закрытыми окнами было душно и темно. Матушка Мин сидела, скособочившись, в кресле.

Цзинчжэ подошёл и поклонился:

— Приветствую вас, матушка.

Она молчала, её злобный взгляд впился в него, как острый крюк, причиняя почти физическую боль.

Цзинчжэ позволил ей смотреть, краем глаза заметив, как Ханьдань, стоявшая в стороне, неловко сцепила руки.

— Цзинчжэ, говорят, ты немного разбираешься в лечении. Посмотри, смогу ли я поправиться,
— её голос был искажён, а когда она говорила, рот и глаза кривились ещё сильнее. — Подойди.

Цзинчжэ не сдвинулся с места.

— Простите мою неспособность, матушка, но мои познания слишком малы. Я не умею читать пульс и не смогу вам помочь.

— Не умеешь, не можешь или не хочешь? — злобно прошипела она, швырнув на пол чашку.

Горячий чай брызнул ему на ноги, пропитав обувь. К счастью, осколки не долетели.

Ханьдань испуганно вскрикнула и тут же замолчала.

— Я действительно неспособен на это, — ровно ответил Цзинчжэ.

Матушка Мин смотрела на него с такой ненавистью, будто хотела содрать с него кожу.

Она заболела после того, как Хэ Е вернулась и сообщила, что все люди из бокового крыла дворца Цяньмин «пропали».

Во дворце у этого слова был особый смысл.

Матушка Мин сразу всё поняла. Погибла даже её приёмная дочь. От ужаса, гнева и страха, что беда коснётся и её, она слегла и едва не умерла.

Очнувшись и увидев своё уродство, она потеряла волю к жизни. В таком состоянии, даже если бы она покинула Северные покои, её бы никто не взял. Все её планы рухнули!

Она возненавидела Хэ Е, принёсшую дурные вести, и ещё сильнее — Цзинчжэ.

Цайжэнь Лю мертва, Цянь Цинь мёртва, она сама искалечена, даже приёмная дочь погибла. Почему же Цзинчжэ до сих пор жив и невредим?

Её взгляд стал ещё страшнее.

Но Цзинчжэ оставался спокоен.

— Если у матушки больше нет дел, я пойду.

И, не дожидаясь разрешения, повернулся к выходу.

Он всегда был вежлив и осторожен. Такого неповиновения матушка Мин не ожидала. Она задыхалась от гнева и едва не лишилась чувств.

Ханьдань подбежала к ней, испуганно зовя: «Матушка, матушка...», но не смела прикоснуться.

Она боялась, что, придя в себя, та снова ударит её.

Участь Хэ Е её напугала.

За последние полмесяца нрав матушки Мин изменился до неузнаваемости.

Минъюй, подслушивавший у двери, боялся за Цзинчжэ, но вместо этого впервые увидел его разгневанным.

У Цзинчжэ был мягкий характер, он всегда соглашался помочь. Сегодняшний поступок был для него равносителен вспышке ярости.

— Что случилось? Редко тебя таким увидишь.

Цзинчжэ нахмурился. Матушка Мин сама строила козни, а когда всё пошло не по плану, от злости её хватил удар. Несильный, к счастью, но характер её испортился окончательно, и теперь она срывалась на других, не желая признавать свою вину. Сегодня она позвала его не для лечения, а с какой-то другой, недоброй целью.

Он не хотел оставаться там ни на мгновение.

— Пойдём, пойдём отсюда. Я здесь уже всё подмёл, пойдём в другое место.

Минъюй потащил его за собой.

Как бы матушка Мин ни ненавидела Цзинчжэ, пока был Чэнь Миндэ, она не могла тронуть его открыто.

Так прошло несколько дней. Слухи о смерти Цайжэнь Лю и Цянь Циня утихли, сменившись новыми.

Чаншоу и Ую снова шептались.

— Слыхал? Вдовствующая императрица устроила Его Величеству разнос.

— Из-за чего?

— Хочет, чтобы он назначил императрицу, а он не соглашается.

— Да, без императрицы в гареме как-то неправильно. Но если Его Величество не желает...

Чаншоу, несколько дней ходивший понурым, снова оживился. Рассказывая сплетни, он сиял.

— Но Вдовствующая императрица — старшая. У нас ведь страна управляется сыновней почтительностью. Думаю, Его Величество может и согласиться.

Проходивший мимо Цзинчжэ бросил через плечо:

— Правда?

Он двигался бесшумно и напугал Чаншоу до смерти. Тот подпрыгнул на месте. Увидев, что это Цзинчжэ, он как-то странно на него посмотрел.

Цзинчжэ заметил это и вопросительно поднял бровь.

Чаншоу замялся, а потом понизил голос:

— Ты случайно не знаком с кем-нибудь из дворца Чэнхуань?

— Нет, — без тени смущения ответил Цзинчжэ. — Я редко выхожу, откуда мне знать кого-то оттуда?

Ую кивнул:

— Ты что, бредишь? С чего ты это взял?

— В тот день, когда меня избили, я всё думал, — с досадой сказал Чаншоу. — С чего бы людям из Северных покоев меня останавливать и расспрашивать, есть ли у нас красивые евнухи? Я и подумал: самый красивый у нас — это Цзинчжэ.

Ую оглядел Цзинчжэ и, потеряв подбородок, сказал:

— Цзинчжэ, конечно, красив, но ты же говорил, что те люди из дворца Чэнхуань расхваливали того евнуха до небес.

Даже Цзинчжэ не был так хорош.

Чаншоу понимал, что в словах Ую есть резон, но сомнения не отпускали его.

Впрочем, Цзинчжэ был слишком спокоен, да и общаться он не любил. Дворец Чэнхуань был далеко, вряд ли он мог быть с кем-то оттуда знаком.

Цзинчжэ кивнул им и поспешил разносить еду.

Он доставил ужин всем господам. Когда он вошёл к Цайжэнь Яо, та сидела на кровати, уставившись в пустоту.

Комнаты в Северных покоях были крошечными: кровать, шкаф, стол да стул — больше ничего не помещалось.

Цзинчжэ расставил еду и пригласил её к столу.

Но Цайжэнь Яо словно не слышала.

Делать было нечего, и он вышел.

Вернувшись через полчаса, он увидел, что всё съедено, и с облегчением вздохнул.

Это повторялось уже не раз, и Цзинчжэ начал находить это странным.

Понаблюдав несколько дней, он с удивлением обнаружил, что Цайжэнь Яо не ела сразу, потому что каждый раз после его ухода проверяла еду на яд.

Тонкой серебряной иглой.

И только убедившись в безопасности, приступала к трапезе.

Цзинчжэ нахмурился. Неужели она знала, что ей грозит опасность?

Он вспомнил слова Минъюя: Цайжэнь Яо сослали из-за Вдовствующей императрицы Цышэн... Может, в смерти императрицы была какая-то тайна?

От этой мысли у него мороз пошёл по коже. Он постарался отогнать догадку.

— Цзинчжэ, к тебе пришли.

Позвал стражник Баци. Цзинчжэ удивился. Выйдя за ворота, он увидел сослуживца Жун Цзю.

По крайней мере, он так думал.

Однажды он видел, как этот человек шёл позади Жун Цзю.

Позже он спросил, и Жун Цзю ответил, что это коллега.

После тех извинений Жун Цзю больше не искал с ним встреч. Увидев его товарища, Цзинчжэ испугался, что что-то случилось, и поспешил к воротам.

— С Жун Цзю что-то случилось? — взволнованно спросил он.

— Нет, — стражник покачал головой, потом, помедлив, кивнул. — То есть, да.

Цзинчжэ нахмурился:

— Так что же случилось?

— У него задание, в ближайшее время его не будет во дворце. Он просил передать, — отчеканил стражник.

Цзинчжэ с облегчением выдохнул, и на его лице появилась улыбка.

— Пустяки, зачем же было утруждать тебя. Спасибо.

Он поклонился, но стражник поспешно удержал его, а потом, словно обжёгшись, отдернул руку.

Эта реакция озадачила Цзинчжэ.

Стражник сухо кивнул и, развернувшись, ушёл.

Цитуй, прислонившись к воротам, усмехнулся:

— Цзинчжэ, а друг твой весьма заботлив. Из-за такой мелочи специально человека прислал.

Цзинчжэ сделал вид, что не понял намёка, и спокойно ответил:

— Мы не так уж близки, просто иногда пересекаемся. Наверное, боялся, что я буду волноваться.

— Что ж, похвально, — добродушно сказал Баци.

Цзинчжэ кивнул им и вернулся в Северные покои.

Цитуй проводил его долгим взглядом, но Баци заслонил ему вид.

— Ладно, какие бы у него ни были отношения с тем стражником, нас это не касается.

Баци заметил нездоровый интерес Цитую.

— Ты что, завидуешь ему? — полушутя, полусерьёзно спросил он.

— Пф, кто ему завидует? — фыркнул Цитуй. — Просто странно всё это.

На том разговор и закончился.

Той же ночью Цзинчжэ проснулся от какого-то шума. Сон у него был чуткий.

Он прислушался.

Сквозь вой ветра и снега доносились странные звуки.

Он быстро оделся и растолкал Миньюя.

Тот, сонный, чуть не умер от страха, увидев над собой тень. Услышав шёпот Цзинчжэ, он поспешно оделся.

Схватив у двери деревянные палки, они бесшумно двинулись на звук.

Шум доносился из покоев Цайжэнь Яо.

У Цзинчжэ похолодело в груди. Не раздумывая, он с силой ударил ногой в дверь. Та с грохотом

распахнулась, ударившись о стену.

Открытая дверь и окно создали сквозняк, пронизывающий до костей.

Цайжэнь Яо лежала на полу лицом вниз, не двигаясь. Жива или мертва — было неясно.

Цзинчжэ бросил палку и велел Минъюю помочь Цайжэнь Яо, а сам бросился к окну. Он успел заметить лишь, как качнулась ветка на стене — то ли от ветра, то ли от беглеца.

— Жива, Цайжэнь Яо жива! — крикнул сзади Минъюй.

Цзинчжэ подбежал и помог ему поднять женщину.

У неё была разбита голова, кровь смешалась с волосами. Она была в полубессознательном состоянии и не могла говорить.

Цзинчжэ отправил Минъюя за матушкой Мин и Чэнь Миндэ, а сам уложил Цайжэнь Яо на кровать. Он уже собирался пойти за горячей водой, чтобы смыть кровь, как услышал её бред.

— Не я... не я её убила, не я убила двоюродную сестру... хи-хи, это Его Величество... А-а-а!

Она вцепилась в своё лицо, безумно крича, а потом забилась в угол кровати, дрожа от страха.

Цзинчжэ замер.

Его Величество?

Какой император?

Покойный или Цзинъюань?

<http://bllate.org/book/16993/1581670>